

В январе 1992 года в Нью-Йорке выдающийся американский социолог Роберт Мертон согласился поделиться воспоминаниями о своем учителе — Питириме Александровиче Сорокине. По согласованию с автором этих строк работа над воспоминаниями проходила в виде интервью, записываемого на магнитную ленту. Одним из условий интервью стало то, что оно может быть опубликовано на русском языке не в качестве аутентичного текста, принадлежащего Мертону, а как некий пересказ его воспоминаний о П. Сорокине. Подобная сложность объясняется тем, что Р. Мертон не владеет русским языком и потому не желал бы, чтобы его воспоминания появились в печати без должного авторского редактирования, необходимого в подобных случаях. Поэтому читатели вольны воспринимать предлагаемый текст по своему усмотрению: либо как «пересказ» воспоминаний Мертона о Сорокине, либо как бережно переведенную на русский язык запись вполне аутентичной беседы.

Предполагается, что в будущем серия интервью с Робертом Мертоном будет продолжена.

Н. ПОКРОВСКИЙ

© 1992 г.

Р. МЕРТОН

ФРАГМЕНТЫ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

(...) В своих первых американских работах П. Сорокин интересовался преимущественно экспериментальной социологией. Однако позднее он кардинальным образом изменил ориентацию. Первой работой, обобщившей его взгляды нового американского периода, стала книга «Современные социологические теории». В ней есть несколько положений, которые оказали огромное влияние на американских социологов.

Эдвард Шиллс, считавшийся суровым критиком, был потрясен этой книгой, хотя и гордился собственными познаниями в области эмпирической социологии больше, чем кто-либо другой. Труд Сорокина стал одинаково необходим и тем, кто уже работал в области социологии в 20—30-е годы, и тем, кто только начал ею заниматься. Примечательно, что при внимательном изучении «Современных социологических теорий» видны позитивистские тенденции, в различной степени присутствовавшие во всех прежних работах Сорокина. Именно в этот период он уже начал отходить от них, но еще не отошел окончательно, что произошло позднее.

«Социальная мобильность» стала второй основной работой. В ней присутствовали как теоретические, так и практические аспекты. Однако, на мой взгляд, ныне она фактически исчезла из обращения в области социологии, хотя и использовалась в свое время даже как учебник. Ныне вы не встретите ссылок на эту работу. «Социальная мобильность» представляла собой изумительный синтез эмпирического и практического материала, а также первый в нашем столетии серьезный и всеохватывающий обзор социальной стратификации.

Эти две книги были для своего времени столь важны, что повсеместно использовались как учебники. Надо отметить, что в отличие, например, от учебников по

физике, в которых обычно изложено последнее слово науки, социологические учебники часто запоздалы и несовершенны. Но две книги Сорокина очень основательны. И хотя ныне они как бы растворились и исчезли с горизонта, но предопределили судьбу их автора в социологии. Эти две работы продолжали влиять на развитие научной мысли, формируя ядро социологической теории и были крайне необходимы на том переходном этапе.

(...) Возвращаясь к «Социальной мобильности», я должен сказать, что теория П. Сорокина стала как бы обобщающей в преддверии того времени, когда американские социологи стали всерьез интересоваться социальной стратификацией, и появилось огромное количество исследований в этой области. Работа Сорокина непосредственно использована авторами этих исследований.

«Современные социологические теории» пробуждали интерес американских социологов к европейской социологической мысли. Исследованиями работ различных авторов, будь то Дюркгейм или Фрейд, Сорокин приковывал внимание читателей к личности творца. Но его анализ был не слишком глубок по части проникновения в текст. Обобщения часто оставались поверхностными, в характеристиках тех или иных теорий присутствовала случайная критика, что нередко вводило читателей в заблуждение.

Я думаю, что его труд о Габриеле Тарде должен был стать одним из основных источников информации об этом ученом. Но опять-таки, Сорокин не написал целостного исследования, что отрицательно дало о себе знать впоследствии. Данная работа опережала свое время, но теперь она должна быть продолжена.

(...) Свою читательскую аудиторию Питирим Сорокин имел в основном среди академической публики. В американский период он находился в самом центре научной жизни. Но в своих трудах отнюдь не ориентировался на определенную категорию. Если вы заглянете в «Современные социологические теории», то обнаружите ярко выраженный критический и политический стиль, присущий автору. Критика была для него средством выражения мысли. Он все еще испытывал влияние революционного настроения, и потому его отношение к иным точкам зрения почти всегда агрессивно. Сорокин подходил к чужим работам со скептицизмом, рассматривая их с самых высоких общенаучных позиций. «Это не ново», «но это не вполне правильно», «все это было не систематизировано», «это было сказано раньше», и т.п. Такой стиль, по-видимому, связан с его общим, так сказать, научным нетерпением, стремлением все охватить.

Иногда я по просьбе Сорокина приносил из библиотеки множество увесистых томов. Через день-два он их все возвращал. У Сорокина был дар очень быстро схватывать основные идеи прочитанного. Часто это вело к поверхностным характеристикам, а не к действительному проникновению в сущность теорий. Он очень интенсивно работал. Его нетерпение в работе выражалось в желании скорее опубликовать то, что было задумано. Но он никогда не жалел времени, если дело касалось перечитывания, перепроверки, обдумывания собственных идей или идей, которые он критиковал. Сорокину чужд дух коммерции, просто таков был его стиль. В целом стилистический облик Сорокина совершенно специфичен, не похож ни на чей иной стиль в социологии.

Сорокин всегда испытывал сильное давление со стороны критиков, в чем я не раз мог убедиться. На лекциях, которые он читал, как правило, присутствовало от 800 до 1000 слушателей. Впечатлял его размах в использовании информации как из истории культуры, так и из области социологических исследований.

(...) Впервые я увидел П. Сорокина в конце 1920-х годов, когда американские социологи встречались в Вашингтоне. Мой молодой профессор Джордж Симпсон сказал, что если я хочу быть социологом, то должен увидеть всех ведущих ученых в этой области. Итак, я поехал на эту конференцию. Все было очень необычно для меня, студента. Сорокин зачитывал критический отзыв на работу влиятельного в то время, но ныне совсем забытого американского социолога Хорнвелла Хартса, который написал книгу о прогрессе. Сорокина назначили официальным оппо-

нением доклада Хартса. Это была наиболее типичная для него роль — роль критика. Он всегда наслаждался, показывая кому-либо его ограниченность с преувеличенным подчеркиванием, особенно когда завладевал инициативой разговора. Например, он приводил высказывание: «целью жизни является функционирование». Затем начинал перечислять аргументы, доказывая пустоту данной фразы, не соотнося ее с общим контекстом и подавляя слушателей «обвалом» своей эрудиции.

(...) Теперь хочу рассказать о том, как мне довелось попасть в Гарвардский университет. Я окончил Темплский университет, довольно молодое для того времени учебное заведение, основанное приблизительно тогда, когда родился П. Сорокин. Я стал первым из выпускников этого университета, поступившим в аспирантуру Гарварда. Прежде в мои планы не входило специально стремиться в Гарвардский университет, ибо я вышел из очень бедной семьи и, естественно, нуждался в стипендии.

Появление «Современных социологических теорий» привело меня к мысли заниматься с Сорокиным, потому что мне казалось, что я способен обобщить то, что узнал об американской социологии. Кроме того я стал интересоваться европейскими мыслителями. И прежде я читал немного Э. Дюркгейма и М. Вебера. Теперь же решил, что мне необходимо серьезно познакомиться с европейской социологической мыслью.

Сначала я обратился к одному чикагскому социологу, который родился в Германии. Он был хорошо знаком с немецкой социологией и перевел на английский язык Мангейма. Но, как оказалось, профессор был приглашен в этот университет только на время и не являлся постоянным преподавателем. Это не позволило бы нам продуктивно работать в течение длительного времени. Тогда я направился в Гарвард, куда был принят.

В Гарварде я обнаружил небольшое по численности преподавательского состава социологическое отделение. В числе преподавателей факультета были П. Сорокин, К. Джастман, очень молодой преподаватель Т. Парсонс, только что опубликовавший первые две статьи в своей жизни. Обычно в книгах не замечают имени переводчика. Именно Парсонс перевел «Протестантскую этику» на английский язык. Таковым было ядро социологического факультета. Бромэнс, видная фигура с другого факультета, писал, что на социологическом фактически нет социологов.

Аспирантов было всего 12—14 человек. Весьма примечательно и важно, что у нас наладилось тесное взаимодействие между аспирантами и преподавателями, а также в кругу самих аспирантов. Так случилось, что я вошел в очень хороший состав аспирантов 1-го года обучения. Через 3—4 года весь факультет выиграл от налаженного интенсивного взаимодействия на столь малочисленном в то время факультете. Спустя довольно длительное время некоторые из нас стали «открывать» Парсонса. Мы проводили много времени вне аудиторий, разговаривая о Парсонсе, слушая его, споря с ним. Были еженедельные вечера, когда наша маленькая группа встречалась с ним для обсуждения теоретических проблем. Мы стали почти что частью его семьи.

Среди аспирантов, конечно, бывал и П. Сорокин. Он знал каждого из нас и даже приглашал к себе домой. Но мы не смогли по-настоящему сблизиться с ним. Он был лет на 12—14 старше Парсонса. Естественно, что мы ощущали близость к Парсонсу, несмотря на то, что иногда я чувствовал себя вполне близким и к Сорокину. Но с ним было невозможно выдержать интеллектуальную дискуссию, его интеллект — это предмет отдельного разговора. К тому же идеи наши не всегда совпадали. Это был профессор, не сомневающийся в своих познаниях, и никто не мог спорить с ним.

Конечно, стиль жизни у нас, аспирантов, был совсем не такой, как в российских, германских, австрийских, французских, английских или итальянских университетах. Там не велось дискуссий между студентами и профессорами,

как у нас. Хотя и у нас не было чрезмерного «товарищества» даже среди тех, кто имел общие научные интересы, но дискуссии были очень важны для нас, давали стимул к саморазвитию.

Другая особенность нового социологического факультета в Гарварде заключалась в том, что вскоре мы почувствовали себя не столь учащимися, сколько социологами. Мы считали себя серьезными людьми. Работая ассистентом у П. Сорокина, я был всего лишь аспирантом и не имел научной степени. Но для него это не имело значения. Я собирал и готовил нужные материалы для его «Социокультурной динамики». Сорокин не менял подготовленные мною «куски» текста и прямо включал их в свою книгу. Это было столь необычно: не менять сделанное аспирантом, относиться к аспирантскому творчеству как к последнему слову в науке, к материалу, который требует обобщения. Символически это было очень важно для меня.

(...) В тот год в Гарварде я работал над темой «Современные французские социологи». Как-то меня вызвал П. Сорокин и сказал, что договорился о совместной презентации моей работы на Социологической конференции Восточного побережья США, но, к сожалению, он был занят, и нам не удалось осуществить наш проект. Сорокин предложил, чтобы данная тема легла в основу моего курса лекций. Это говорило о становлении нас, аспирантов, как ученых-социологов. И в этом заслуга Питирима Сорокина.

Мы не имели постоянных научных руководителей, работая с теми или иными профессорами в зависимости от наших научных интересов. Нам предлагался широкий выбор курсов лекций. Насколько я помню, Сорокин читал два курса в семестр. Обычно одним из них был курс «Современные социологические теории», читая который, он придерживался текста своей книги. Другой курс «Введение в социологию» он обычно вел не у аспирантов, а у студентов. Позже этот курс лекций стал основой книги «Общество, культура и личность». Спустя 2—3 года П. Сорокин приступил к курсу по социокультурной динамике, над которой работал в то время.

Что касается стиля лекций П. Сорокина, то он оставался неизменным на протяжении всей жизни ученого в США. У него была очень выразительная манера выступления. Даже его семинары скорее походили на лекции, чем на обычный процесс работы со студентами. П. Сорокин серьезно относился к работам студентов, просматривал их, делая пометки на полях. Ему также нравилось критиковать авторов.

Хотя я испытывал смешанные чувства по отношению к П. Сорокину, но ни в коем случае не мог бы назвать его своим близким коллегой. Студенты по-разному относились к нему: одни были совершенно не критичны и считали его пророком, другие, и я в том числе, были более критичны и позднее никогда не раскаивались в этом. Мы не придерживались почтительного соглашательства в отношениях с Сорокиным, но, как я уже говорил ранее, открыто с ним спорить было просто невозможно. Все наши проблемы мы обсуждали с Т. Парсонсом, манера преподавания которого была совсем иная.

Первым ассистентом П. Сорокина стал Джон Болдерейт. Формальной процедуры для того, чтобы быть назначенным ассистентом не существовало. Я посещал лекции Сорокина, и однажды он предложил мне начать работать у него. Будучи ассистентом, я не имел каких-либо особых конструктивных бесед с Сорокиным, но он постоянно читал мои работы. П. Сорокин никогда строго не определял моих обязанностей. То, что должен был делать ассистент, было и так достаточно ясным. Я готовил списки литературы, которые П. Сорокин просматривал и на основании которых делал свои замечания, присутствовал на всех его лекциях вводного курса и позднее обсуждал их на семинарах со студентами. В то время именно это входило в круг обязанностей ассистента профессора. Кроме того, я оценивал экзаменационные работы студентов и аспирантов, но и сам П. Сорокин тоже всегда просматривал их. Что касается исследовательской работы, то

я делал все: начиная с получения книг в библиотеке и составления их обзоров до разработки определенных проблем, что понадобилось позже в период работы над «Социокультурной динамикой». Таким образом, это был достаточно широкий круг обязанностей.

П. Сорокин иногда бывал крайне раздражительным, но я не припоминаю, чтобы сердился именно на меня. Вспышки гнева охватывали его в тех случаях, когда люди не оказывали ему должного уважения, в открытую не соглашались с его идеями или посягали на его авторитет. Он не был очень общительным, но я никогда не испытывал дискомфорта в его присутствии. В целом он был очень хорошим человеком.

Я оцениваю П. Сорокина так же критично, как оценивал бы любого другого ученого. Должен сказать, что сейчас в США интерес к П. Сорокину существует, но очень ограничен. Скорее это можно назвать восхищением его умом, чем его вкладом в социологию. Я говорю о всех этих фактах из биографии П. Сорокина лишь потому, что американский период его творчества мало известен российскому читателю.

*Перевод с английского
и подготовка к печати*

Е.В. ДМИТРИЕВОЙ, Н.Ю. МАНДЕЛЬБАУМ

О жизни Питирима Александровича Сорокина — этого интереснейшего и талантливейшего человека — можно было бы написать увлекательный роман. Ученый, которого называли самым выдающимся социологом первой половины XX века и которому приписывали «свершение коперниканского переворота в социологии», родился на Крайнем Севере России в семье русского золотых, серебряных и иконных дел мастера и крестьянки-коми. Оставшись сиротой в возрасте 11 лет, Питирим Сорокин вместе со своим старшим братом зарабатывал на жизнь, странствуя по деревням и расписывая церкви. Однажды братья едва не погибли, когда сильный шквал чуть не сбил их с крыши собора в г. Яренске. Школу Сорокин посещал нерегулярно в деревнях, где приходилось работать. Однажды в одной из деревень были устроены экзамены по случаю открытия новой школы. Питирим, случайно услышав вопросы, счел их легкими, с блеском сдал экзамены и был зачислен в школу. Как лучший ученик он получил стипендию и после окончания школы в 14 лет поступил в Педагогическое училище, затем учился в Психо-Неврологическом институте и, наконец, в Петербургском университете. Окончив университет, он защитил диссертацию на степень магистра права.

Еще учась в Педагогическом, Питирим Сорокин принимал активное участие в политической жизни страны, стал членом партии социалистов-революционеров, был арестован за политическую деятельность, сидел в тюрьме в г. Кинешме, где познакомился со многими политическими заключенными, среди которых — известные эсеры и социал-демократы. Впоследствии Сорокин возглавил правое крыло партии социалистов-революционеров, после Февральской революции он — секретарь А.Ф. Керенского, член Учредительного собрания, редактор газеты «Воля народа», а затем «Дело народа».

Получив возможность преподавать в Петроградском университете, Сорокин в 1919 г. стал основателем, первым профессором и деканом социологического факультета.

В 1922 г. вместе с группой ученых и политических деятелей он выслан из Советской России.

С 1923 г. Питирим Александрович Сорокин жил в Соединенных Штатах, был профессором в университете Миннесота, а в 1929 г. получил приглашение в один из ведущих американских университетов — Гарвардский. Здесь он через год создал и возглавил социологический факультет, ставший впоследствии центром социологии в Америке. Этот факультет пользовался необычайной популярностью у студентов. Молодых ученых привлекала прежде всего незаурядная личность Питирима Сорокина. В науке он был источником и фокусом важных с творческой точки зрения разногласий и противоречий, пионером во многих областях исследования, тогда еще новых для социологии и лишь впоследствии занявших свое место в системе социологической науки. На факультете у Сорокина царил атмосфера живой творческой мысли и постоянных дискуссий. В своих отношениях со студентами Сорокин никогда не пытался выступать только организатором и

руководителем. Дружеские отношения со студентами и коллегами довольно часто, хотя и временно, омрачались вспышками страстного антагонизма и острой критики. Как лектор он был артистом, неповторимую живописность его образу придавал сильный русский акцент, сохранившийся несмотря на более 40 лет, прожитых в Америке.

За 12 лет, в течение которых П. Сорокин был деканом социологического факультета, здесь воспитана целая плеяда социологов; многие из них стали впоследствии известными учеными — Толкотт Парсонс, Роберт Мертон, Чарльз Лумис и другие. Многие видные политические деятели Америки, получившие образование в Гарварде, занимались в семинарах Сорокина (например, Джон Кеннеди).

Питирим Сорокин написал 40 книг, неоднократно переиздававшихся в странах Европы, Азии и Америки, множество очерков и более 200 статей. Его труды переведены на 48 языков мира. В 1965 г. он избран президентом Американской Социологической ассоциации, неоднократно избирался почетным членом многих академий. Ряд американских, канадских, латиноамериканских и индийских университетов организовали сорокинские центры в своих библиотеках и проводили сорокинские фестивали, где с научными докладами выступали крупнейшие ученые мира.

Американская социологическая ассоциация, ряд американских и канадских университетов и Международный социологический конгресс учредили «сорокинские премии», которые каждый год присуждаются автору важнейшей социологической работы.

Основной вклад Питирима Сорокина в развитие социологической науки заключается в том, что он вывел ее из дебрей эмпиризма и поставил на теоретическую основу. Некоторые ученые не перестают спорить о том, кем же был Сорокин — философом или социологом? Спор этот не имеет смысла, так как величайшая заслуга Питирима Сорокина перед наукой состояла именно в том, что он был и философом, и социологом, и историком. Сорокин прорвал границы между дисциплинами, взял человеческую деятельность как единое целое и исследовал ее со всех возможных точек зрения. «Интегральная система» Сорокина охватывает проблемы философии, гносеологии, социологии, культурологии, этики и психологии. Трудно назвать какие-либо области и явления социальной жизни, которыми бы он не занимался. Его интересовали проблемы природных катастроф, голода, войны и революции и их влияние на жизнь человека и общества. Им сформулированы основные положения теории социальной стратификации (разделение общества на страты — слои) и социальной мобильности (перемещение людей внутри страты и между стратами). Сорокин проявлял постоянный интерес к работам других социальных ученых, занимающихся проблемами развития общества и человечества, и написал ряд книг, посвященных современным философским и социологическим теориям. Он никогда не переставал интересоваться злободневными вопросами нашего времени, определением характера современной эпохи. Еще в 1920 г. дал исчерпывающую характеристику кризису XX века, который определил как «самый кровавый кризис самого кровавого века», предсказав

еще более ужасные войны с гигантскими разрушениями, чудовищной жестокостью и страданиями миллионов. Однако для Сорокина этот кризис не означал смерти или упадка культуры, а лишь острый и болезненный поворот в жизни общества, когда «величественное здание чувственной культуры, созданное западным миром за последние пять столетий, начало разрушаться, а новое здание совершенно другой культуры и общества еще не воздвигнуто».

Путь к преодолению этого опасного кризиса Сорокин видел в совершенствовании и развитии творческих сил человечества, в увеличении неэгоистической творческой любви и добра в мире. Возрождение этического начала он считает наиболее насущной потребностью человечества в настоящий момент; без этого невозможно возрождение человеческой цивилизации.

Питирим Сорокин очень переживал тот парадоксальный факт, что его книги, переведенные на все европейские и основные азиатские языки и вышедшие во всех регионах мира, ни разу не были опубликованы на родине. «До сих пор ни один из моих томов не переведен на русский язык, - с сожалением

писал он в одном из писем в Москву, - тогда как книги моих учеников — Парсонса, Мертона, Беккера и других — переведены и изданы, хотя они являются более „буржуазными“ и консервативными, чем мои идеологии и теории». Надеясь на издание своей книги «Современные социологические теории» в Советском Союзе, Сорокин писал, что «ее опубликование в год пятидесятилетия Великой Советской Революции является одним из симптомов конструктивно-творческой стадии этой Революции».